

Полина Гаджикурбанова

Что значит быть собакой

Когда-то в Древней Греции жили люди, называвшие себя псами. Речь идет о представителях едва ли не самой скандальной школы в истории европейской философии – школы киников. Но позволим себе несколько наивный вопрос: откуда возникло подобное название?

Простейший ответ дает нам Диоген Лаэртский. Гимнасий для ноофов и метеков (незаконнорожденных и неполноправных) при святилище Геракла, считавшегося их покровителем, носил имя «Киносарг» (*Cynosarges* – букв. «Белый пес»). Отсюда и получила свое название киническая школа; здесь вел свои беседы с учениками основатель кинизма Антисфен (D.L. VI 13). На первый взгляд, эта версия выглядит вполне убедительно. Античность знает ряд философских школ, чьи названия связывались с местом проведения занятий. Были академики – ученики гимнасия «Академия» (пригород к северо-западу от Афин, где находились роща и храм), посвященного божественному герою Гекадему; были эпикурейцы – «философы из Сада»; были и стоики – философы «Расписного Портика»; был, наконец, и аристотелевский Ликей, названный в честь Аполлона Ликейского (Волчьего). В этом ряду вполне органично смотрелось бы предложенное объяснение названия кинической школы, если бы не одно «но».

Во всех этих случаях связь между именем школы и ее философским учением носит весьма произвольный характер. Ни одна из этих школ не обыгрывала свое название так, как это сделали философы из гимнасия «Киносарг». Академики не пытались подражать Гекадему. Никому из современников не приходило в голову называть философов из Ликея волками, и сами они не претендовали на это имя, оставив его гимнасию, в галереях и рощах которого они вели свои беседы, и божеству, которому был посвящен находящийся неподалеку храм. Найдя стоик-Зенон более безлюдное место, чем Расписной Портик, и название школы вполне могло бы быть другим. Но разве можно себе представить, чтобы киники звались как-то иначе? Только им удалось превратить в символ случайный образ, заключенный в имени школы. Но вряд ли этот факт подскажет нам ответ на вопрос: почему сами киники столь охотно называли себя собаками и что имели в виду современники, называя их так?

В другом месте Диоген Лаэртский, объясняя наименования различных философских школ, указывает, что киники получили свое название в насмешку (D.L. I 17). Но в чем именно заключалась насмешка? Что значит – называть кого-то собакой: оскорбление ли это, выражение восхищения, страх или жалость? К примеру, для древних иудеев собака представлялась нечистым существом, и сравнение кого-либо с псом означало серьезное оскорбление. В Ветхом Завете фактически все упоминания собаки имеют негативный смысл, и даже существует запрет вносить в Скинию деньги, вырученные от продажи собаки. «Не вноси платы блудницы и цены пса в дом Господа Бога твоего ни по какому обету, ибо то и другое есть мерзость пред Господом Богом твоим» (Вт 23:18). Не рекомендуется держать собаку в доме; по крайней мере, на время молитв и произнесения благословений (например, перед трапезой или после еды) ее следует выводить в другую комнату.

Схожее отношение к собаке наблюдается и в исламской традиции. Собака или, по крайней мере, слюна собаки считается нечистым веществом («наджас»), и ее попадание на тело, одежду и место совершения молитвы оскверняет их и требует ритуального очищения. Существует ряд запретов, связанных с содержанием

собаки: запрещено продавать собак, содержать собак с целью развлечения, держать собак в доме. В одном из хадисов говорится, что «ангелы не входят ни в один дом, в котором есть собака» (al-Bukhaari, 3225). Правда, есть свидетельство, что человеку, напоившему водой умирающую от жажды собаку, Аллах простил все его грехи и сделал обитателем Рая (al-Bukhaari, 174), но в целом отношение к собаке в данной традиции весьма прохладное. Исключения составляют только арабские борзые (салоюки), которые считаются чистыми животными, и даже существует легенда, согласно которой салюка по своему происхождению – не совсем собака.

И напротив, хорошо известно, каким почитанием пользовались собаки в Древнем Египте. Собаки были священными животными Анубиса – бога мертвых, который изображался в виде человека с головой собаки или шакала (иногда просто в виде шакала или собаки). В загробном мире он сопровождал души умерших к залу Осириса, где сорок два божественных судьи решали, послать ли их в страну блаженных или же предать окончательной смерти. Когда в семье египтянина умирала собака, все домочадцы погружались в глубокий траур, брили головы и длительное время не прикасались к еде. Тело умершей собаки бальзамировали и торжественно хоронили на специальном кладбище, а участники траурной процессии плакали и причитали, как при похоронах близкого человека.

У индоевропейских народов собака считалась сакральным животным, связанным с миром мертвых. В ряде мифологических сюжетов она является стражем, охраняющим границы между мирами, сопровождает и стережет души умерших (два пса бога Ямы в «Ригведе»; в «Авесте» – две собаки, стерегущие мост Чинват, ведущий в иной мир, и т.д.).

В греческой мифологии собака ассоциируется с обитателями подземного мира и божествами, выполняющими функции посредников между мирами, а также причастна к отвращающей и очистительной обрядности. В облике собаки или в сопровождении своры собак представлялась трехликая Геката, хтоническая богиня мрака, ночных видений и колдовства. Она обладала правом исполнять самые сокровенные желания смертных, и чтобы задобрить ее, ей приносили в жертву собак. Собака считалась ат-

рибутом Артемиды, культ которой сближался с культом Гекаты и Селены, и атрибутом крылатого вестника богов Гермеса. Он был покровителем пастухов, воров и торговцев, а также дорог и странствующих, причем не только живых, но и тех, которые отправлялись в свой последний путь. В древности под гермами на дорогах иногда хоронили людей, и бог, обитающий в гермах, считался «психопопомом» – проводником душ в иной мир. Ассоциировался с собакой и излюбленным герой кинической литературы Геракл, победивший стража подземного царства чудовищного пса Церберу. Вероятно, Геракл также воспринимался как посредник между мирами и отвратитель зла, поскольку покойников иногда изображали с его атрибутами, а над входом в дом греки часто делали надпись «Здесь обитает славный победитель Геракл; да не войдет сюда никакое зло». Но, что характерно, нередко с той же целью стены дома окропляли кровью собаки или зарывали ее под порогом.

Собака являлась для греков воплощением верности. В поэме Гомера есть трогательный эпизод, в котором Одиссей возвращается домой после своих скитаний, переодетый в лохмотья нищего, не узнавший никем, кроме своего старого пса Аргуса.

Там полумертвый лежал неподвижно покинутый Аргус.
Но Одиссею близость почувствовал он, шевельнулся,
Тронул хвостом и поджал в изысканной радости уши;
Близко же подползть к господину и даже подняться он не был
В силах. И, вкось на него поглядевши, слезу, от Евмея
Скрытно, обтер Одиссей.

После двадцатилетней разлуки Аргус узнает своего хозяина, радуется ему, но, будучи уже не в силах подняться, умирает, схваченный «рукой смертоносною Мойры» (Од. XVII, 291–327).

Еще дальше в своем восхищении собаками идет Платон. В «Государстве» он описывает собаку как идеального стража, способного остро воспринимать, проворно преследовать то, что заметит, и упорно сражаться. При этом собака сочетает в себе, казалось бы, противоположные качества, необходимые стражу. С одной стороны, в ней непобедим яростный дух: она «ничего не страшится и ни перед чем не отступает» (375), но вместе с

тем она как нельзя более кротка с теми, к кому привыкла и кого она знает. Более того, в природе собаки Платон усматривает свойство, которое называет замечательным и даже философским; это свойство – стремление к мудрости, ибо собака различает дружелюбное и враждебное в соответствии со своим знанием или незнанием. «Увидая незнакомого, собака злится, хотя он ее ничем еще не обидел, а увидая знакомого, ласкается, хотя он никогда не сделал ей ничего хорошего... о дружелюбности или враждебности человека, которого она видит, собака заключает по тому, знает она его или нет. Разве в этом нет стремления познавать, когда определение близкого или, напротив, чужого делается на основе понимания либо, наоборот, непонимания?» (376).

Из всего вышесказанного следует, что для древних греков собака была божественным животным, олицетворением мужества, верности и мудрости. Собакам воздвигали мраморные памятники, их изображали на монетах, им посвящали созвездия и звезды. И тут снова возникает вопрос: почему же назвать кого-то именем столь достойного и даже божественного создания означало насмешку, граничащую с оскорблением? Почему Платон, видя в собаке едва ли не своего коллегу-философа, употребляет имя пса в качестве ругательства? Диоген Лаэртский рассказывает, что однажды, когда Платон позвал к себе своих друзей, приехавших от Дионисия, Диоген стал топтать его ковер со словами «Попираю Платонову спесь», а Платон ответил: «Попираешь собственной спесью, Диоген». Именно за это Платон и обозвал его собакой (D.L. VI 26). Конечно же Диоген не остался в долгу, но здесь интересно другое – в этой истории слово «собака» без сомнений используется в качестве бранного.

В данном случае мы сталкиваемся с одним интересным моментом – именно у народов, в мифологии которых собака является сакральным животным, наблюдается амбивалентное отношение к ней. Это связано с парадоксальной особенностью формирования культурных стереотипов, выражающейся в том, что наиболее сакрализованные области поддаются наибольшей профанации в бытовом сознании, и именно они становятся объектом

наибольшего «инвективного глумления»¹. Действительно, в древнегреческом языке слово «собака» (*суол*), а также целый ряд его производных означает «бесстыдный», «наглый», «дерзкий» и т.п. Выражение «собачьи глаза» означает вовсе не грустный, умный или даже заискивающий взгляд, как мы могли бы предположить исходя из нашего нынешнего словоупотребления, а наоборот, бесстыдство и дерзость. Аналогично обстоит дело с выражением «собачьи чувства» и рядом других оборотов. В поэмах Гомера «собака» или «пес» – одно из самых распространенных бранных слов, которое употребляют как боги, так и смертные. «Псицей бесстыдной» называет Афины вестница богов Ирида, а почтенная супруга Зевса Гера использует этот эпитет по отношению к Артемиде (Ил. VIII, 423; XXI, 481). Ахилл, обвиняя царя Агамемнона в бесстыдстве и алчности, называет его «человек-псобразный» (I, 159). Одиссей же называет собаками женихов Пенелопы (Од. XXII, 35).

В современном русском языке обценная лексика также связана с образом пса (собаки). Он восходит к первичной мифологической модели брака Бога Неба (Громовержца) и Матери-Земли, в котором место Громовержца позже трагически занимает его противник, хтоническое божество, выступающее в облике пса. Пес отождествляется с волком и змеем. Б.А. Успенский отмечает возможность ассоциации пса со змеем, а также с волком: «Как змей, так и волк представляют собой ипостаси «лютото зверя», то есть мифологического противника Громовержца... и вместе с тем олицетворяют злое, опасное существо, враждебное человеку. Для нас существенно, во всяком случае, представление о *нечистоте* пса, которое имеет очень древние корни и выходит далеко за пределы славянской мифологии»².

¹ Желвис В.И. Эмотивный аспект речи. Ярославль: «ЯрГУ», 1990, с. 22–23. См. также: Езо же. Человек и собака (Восприятие собаки в разных этнокультурных традициях) // Советская этнография, 1984, № 3.

² Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной лексики. – В кн.: Езо же. Избранные труды. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997, с. 117.

Формирование культурного стереотипа в глубинах определенной культуры несет на себе печать механики бессознательного, не знающего отрицания. Подобно тому как одни и те же образы сновидений могут передавать право противоположные смыслы, так один и тот же культурный символ может включать в себя противоположные способы его интерпретации. В свое время Зигмунд Фрейд заметил, что древние языки воспроизводили некоторые особенности, присущие бессознательному. В них противоположности обозначались одним и тем же словом, и лишь по интонации говорящего или по контексту можно было определить, какой из смыслов имелся в виду в каждом конкретном случае. Среди прочих примеров он приводил латинское слово «sacer», означающее «священное», «святое», но одновременно и «проклятое», «отвратительное»³. Сакральное значит выходящее за границы профанной сферы или в силу того, что оно выше нее, или в силу того, что ниже; запретное и неприкосновенное – либо в силу своей святости, либо в силу вызываемого отвращения. Отсюда и вытекает двойственность и амбивалентность отношения к сакральным предметам и символам. Но в определенной точке эти противоположности оказываются слиты, и эта точка – момент пересечения границ, выход за пределы. Фактически, сказав, что собака является сакральным животным, связанным с представлениями о границе двух миров, мы уже указали на двойственность отношения к ней.

На первый взгляд, распространять на кинизм мотив связи собаки с загробным миром и приписывать собакам-кинкам функции психопомпов и стражей границ двух миров довольно странно. Едва ли сами киники признали бы эту связь, и в сохранившихся текстах мы не найдем и намека на подобное представление. Антисфен хоть и был посвящен в орфические таинства, но довольно язвительно о них отзывался, Диоген и вовсе открыто издевался над религиозными культами греков. К примеру, когда афиняне попросили Диогена принять посвящение в мистерии, уверяя, что посвященные ведут в Аиде лучшую жизнь, он ответил: «Смешно,

если Агесилай и Эпаминонд будут томиться в грязи, а всякие ничтожные люди из тех, кто посвящен, – обитать на островах блаженных!» А когда кто-то удивился приношениям в Самофракийской пещере (кстати сказать, посвященной Гекате, чей культ, как мы видели, связывался с почитанием собак), он сказал: «Их было бы гораздо больше, если бы их приносили не спасенные, а погибшие».

Можно, конечно, представить, что киники также брали на себя функции психопомпов, но в весьма специфическом смысле – они вели души к добродетели, а не в загробный мир или на острова блаженных. Но, скорее, дело в другом. Последующая канонизация образа основателя кинизма шла по пути использования основных мифологических представлений, связанных с собакой, и неудивительно, что мотив связи с загробным миром – пусть даже и вопреки исходной интенции самого кинического учения – время от времени проскальзывал. Помимо текстов позднекинической литературы, в которых Диоген представлен в качестве Небесной собаки, сошлемся на стихи, сочиненные Диогеном Лаэртским, в которых Антисфен выступает в роли проводника в загробный мир:

В жизни своей, Антисфен, ты псом был недоброго нрава,
Речью ты сердце кусать лучше, чем пастью, умел.
Умер в чашке ты злой. Ну что же? Мы скажем, пожалуй:
И по дороге в Аид нужен для нас проводник.

Подобно тому как собака, благодаря своей связи с хтоническими глубинами иного мира с его загадочными божествами, вызывает амбивалентное чувство преклонения и страха, отношение современников к киникам – философствующим собакам носило характер одновременно и восхищения и отталкивания. Из многочисленных анекдотов мы знаем, что киники не раз бывали биты за свои речи и выходки. Но известно также, что афиняне любили Диогена, а жители его родного города установили ему памятник из паросского мрамора, на вершине которого была изображена собака. Эта же двойственность прослеживается и в знаменитой легенде о встрече великого киника и великого правителя. Существует легенда, согласно которой Александр Македонский приказал

³ См.: Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / Пер. с нем. Г.В. Барышниковой. СПб.: «Азбука-классика», 2007, с. 172–173.

наполнить блюдо костями и послать кинику Диогену. На что Диоген, получив посылку, сказал: «Еда-то для псов, да дар не царев»⁴. Но есть и другая легенда – в ответ на требование Диогена отойти в сторону и не заслонять ему солнце Александр ответил, что если бы он не был Александром, то предпочел бы быть Диогеном.

Киники прекрасно понимали, что имеют в виду их современники, называя их псами, и всячески обыгрывали это сравнение. Сами же они полагали, что жить следует «подобно собаке», т.е. сочетая в себе простоту жизни, следование собственной природе и презрение к условностям, умение с твердостью отстаивать свой образ жизни и постоять за себя и в то же время верность, храбрость и благодарность. Киник наг и бесстыж как собака, когда речь идет об общественных установлениях и общепринятых нормах. Антитеза «номос – фюсис», «закон – природа», сформулированная еще софистами, в кинизме получает новую интерпретацию. Лишь то, что соответствует природе, может считаться истинным, правильным и добродетельным. Всякое отклонение от природного, естественного поведения автоматически оказывается порочным и ложным – дымом, рассеивать который киники считали своим призванием и миссией. Все общепринятые социальные соглашения, обычаи, законы, правила приличия и т.п. должны быть счищены подобно ржавчине, покрывшей и разъедающей добротную породу.

Требование отбросить существующие нормы и обычаи было характерной особенностью кинического учения. Начиная с Антисфена киники утверждают, что мудрый человек в своем поведении должен руководствоваться не установленными людьми порядками, а законами добродетели (D.L. VI 11), и, как мы знаем, презрение к общепринятым ценностям – начиная с внешнего вида и заканчивая речами и поступками – становится своего рода визитной карточкой кинической философии.

Эти нормы, претендующие на то, чтобы считаться неизменными и неизменными, различны в различных культурах. Так, для представителя современной европейской культуры уже не очень

понятно, почему вид Диогена, завтракающего на площади, вызывал столь бурный ажиотаж, что вокруг него собирались толпы зевак. И вполне невинным выглядит его ответ на упрек, что он ест на площади: «Голодал ведь я тоже на площади» (D.L. VI 58). Так же для нас теперь не совсем очевидно, почему пронести в руках через площадь рыбу, сыр или горшок похлебки – столь постыдное действие, что только киник оказывается на него способен. Но как только речь заходит о сексуальных нормах и табу, обо всем, что связано со смертью, выходки киников уже не кажутся столь безобидными. А ведь за ними стоит все то же стремление показать, что соблюдение общепринятых норм не есть добродетель, как и нарушение табу не есть порок.

У нас достаточно доксографических свидетельств того, что киники не останавливались ни перед какими социальными запретами, включая запрет на инцест и каннибализм. Про Диогена известно, что «все дела совершал он при всех: и дела Деметры, и дела Афродиты... То и дело занимаясь рукоблудием у всех на виду, он говаривал: “Вот кабы и голод можно было унять, потирая живот!”» (D.L. VI 69). И даже считал, что это есть изобретение Гермеса, который передал его своему сыну Пану, когда тот блуждал день и ночь, не находя взаимности у нимфы Эхо. Если бы люди пользовались этим методом вместо брака, то не случилось бы массы бедствий: Троя не была бы взята и не погиб бы Приам (Dion. Chrys. VI). Киники Кратет и Гиппархия тоже совершали половые акты публично (Sext. Pyth. I, 153). Более того, Диоген считал, что совершенно неважно, предавать ли тело погребению и как предавать. Он не видел ничего дурного в том, чтобы украсть что-нибудь из храма, и даже в том, чтобы употреблять в пищу человеческое мясо, которое, по его мнению, мало чем отличается от любой другой пищи (D.L. VI 52, 73).

Собака в известном смысле представляет собой собирательный образ животного. В греческом языке слово «собака» могло означать любое животное вообще. Так, к примеру, орла могли называть «собакой Зевса» (*Dios syon*), а Лернейского змея – «Лернейским псом» (*Lernas syon*). Но для грека, который был благодарен богам за то, что родился человеком, назвать себя животным –

⁴ Антология кинизма: Философия неприятия и протеста / Прим. и комм. И. Нахова. М.: «ТЕРРА», 1996, с. 132.

это скандал. Если человек называет себя собакой и живет подобно ей, старый спор о том, что такое человек, получает совершенно иной оборот, – с привкусом вызова и парадокса. Когда Платон заявил, что человек есть животное без перьев и с двумя ногами, Диоген принес ему ощипанного петуха и, заставив Платона сделать вынужденную поправку – «с плоскими ногтями», – тем самым продемонстрировал бессмысленность и бесплодность всех теоретических усилий определить, что такое человек. Ощипанный петух Диогена выявил беспомощность традиционного способа мыслить абстракциями, свойственного Платону и умозрительной философии в целом. Но можно было подойти к вопросу об определении человека с совершенно других позиций: «на собственной шкуре» показать, что значит быть животным. Киник не определяет, а практически манифестирует то самое неуловимое и не сводимое ни к чему другому свойство – быть человеком, даже ведя собачий образ жизни. Искомый образ человека парадоксальным образом представлен через само его отсутствие. Как отмечает современный исследователь цинического разума П. Слотердайк, «в культуре, в которой закопавшие идеализмы сделали ложь формой жизни, процесс истины зависит от того, найдутся ли люди, которые окажутся достаточно агрессивными и свободными («бесстыдными»), чтобы высказать истину»⁵.

Когда мы говорим о киниках, существует большой соблазн представить дело так, будто они предлагают отбросить все человеческое, отказаться от культуры и просто стать животными, вернувшись к нашему «животному естеству». Но это далеко не так. Философская игра, которую ведут Истинные псы, куда более сложна и изощрена. В знаменитой антитезе культуры и природы киники вовсе не упраздняют культуру в пользу природы. Именно на границе животного и человеческого, культурного и природного разворачивается беспрецедентный эксперимент, который ставит на себе киник с устрашающей последовательностью и бескомпромиссностью. Подобно тому как мифологическая собака является посредником и

стражем границы между миром живых и миром мертвых, собакинник берет на себя роль стража границ между человеческим и животным, между культурой и природой, одновременно преступая эти границы и устанавливая их вновь.

Киники выступают своего рода маргиналами культуры. По этому на вопрос, кем они являются – людьми или собаками, можно дать ответ, соответствующий амбивалентности самой границы – и тем и другим; но равно – ни тем и ни другим. Все зависит от контекста, от житейской ситуации, от полемических задач. Завершая наши рассуждения о многозначности образа собаки, можно вернуться к эпизоду с неудачным завтраком Диогена. Он ел на площади, сидя на земле, когда сбжавшиеся зеваки стали обзывать его собакой, что вполне соответствовало стилистике его поведения. Характерно, что Диоген «огрызнулся» на них вполне по-человечески, вернув им их же упрек: «Это вы, как собаки, столпились вокруг моего завтрака». Этот жест в равной степени мог принадлежать как псу, защищающему свою добычу от сбжавшихся сородичей, так и человеку, отгоняющему от себя назойливых псов.

⁵ Слотердайк П. Критика цинического разума / Пер. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург: «Изд-во Уральского ун-та», 2001, с. 131.